

Когда Ся Ся ушёл, Чи Нин не стал торопиться наружу, а так и остался сидеть в карете.

Дело в том, что после сна он всегда пробуждался медленно и неохотно, пребывая в каком-то сонном оцепенении. В такие минуты его глаза уже открывались, но разум всё ещё отказывался служить. Немного растерянный, заторможенный, с едва заметной розовой дымкой в уголках век — этот румянец лишь подчёркивал его и без того женственную, хрупкую красоту, лишая образ всякой суровости.

Чи Нин терпеть не мог показываться людям в столь беззащитном виде без веской на то причины. Да и вообще, являть миру свою слабость почём зря казалось ему непозволительным расточительством — если уж и представлять перед кем-то слабым, то лишь ради собственной выгоды.

Как раз в этот момент кусок чёрного дерева, который Чи Нин сжимал в ладони, подал голос. В мыслях юноши прозвучало:

«Я могу скрыть это чарами»

Да, его ненаглядное чёрное дерево умело говорить.

В детстве, когда Чи Нин только нашёл этот странный обрубок, тот умел лишь подавать едва заметные знаки. Меняя температуру своей поверхности, дерево предупреждало о грозящей опасности. Именно это безмолвное предостережение и помогло маленькому Чи Нину выжить в самые тёмные и суровые годы дворцовой службы.

Со временем дерево изменилось. Оно научилось отвечать короткими «да» или «нет», безропотно отзываясь на любой вопрос.

А потом из-за нелепой случайности Чи Нин потерял свою драгоценность. Когда же её удалось отыскать и вернуть, деревяшка с каждым днём становилась всё разумнее. Теперь беседовать с ней было так же легко, как с обычным человеком.

Хотя нет — куда удивительнее, чем с обычным человеком.

Найди подобную диковинку кто-то другой, наверняка испугался бы до полусмерти. Но только не Чи Нин. Он лишь радовался своей находке, считая эту причудливую вещь настоящим благословением небес.

Чи Нин мысленно ответил со всей возможной учтивостью:

«Тогда я полагаюсь на вас, господин Юань»

Да, у его любимой деревяшки имелось имя. Дерево выбрало его само — короткое «Юань», значение которого оставалось тайной. А вот уважительную приставку «цзюнь» Чи Нин добавил уже от себя. В зависимости от обстоятельств и личной выгоды это обращение порой превращалось в «господина Юань-дажэня» или даже «Его Высочество Юань». Так он мерил глубину своего почтения.

Чи Нин всегда выказывал поразительное терпение и уважение ко всему, что могло принести ему пользу.

«О?» — низкий, бархатистый голос Юаня звучал до того отчётливо, что в воображении невольно возникал образ лукаво улыбающегося древнего божества. В этом тоне сквозила притягательная, почти зловещая сила. — «Обычно люди в таких мелочах предпочитают просто переждать, пока сонливость не пройдёт сама. Зачем же тратить силы?»

«Если есть способ избавиться от этого быстрее и с большим удобством, зачем мне мучиться и ждать?» — с абсолютной уверенностью в своей правоте парировал Чи Нин.

Когда Чи Нин ещё был в фаворе при дворе прошлого императора, недоброжелатели частенько нашёптывали государю, будто молодой евнух погряз в неге и изнежен больше любой придворной дамы. Чи Нин охотно бы внёс ясность в эти слухи: всё это чистая правда.

Разве есть грех в том, чтобы стремиться к уюту и покою?

Конечно нет.

Если проблему можно решить простым щелчком пальцев или каплей магии, зачем томиться в душной карете? Он ведь не мазохист, чтобы истязать себя без нужды.

Юань негромко усмехнулся. Этот звук походил на шорох кисти по дорогой рисовой бумаге или прикосновение пухового пера к тугим струнам циня — уловить его можно было лишь затаив дыхание.

«Долг платежом красен, Чи Нин. Получая от меня силу, задумался ли ты, как станешь возвращать её?»

«А она нужна вам прямо сейчас?» — невозмутимо вопросом на вопрос ответил Чи Нин.

Юань на мгновение умолк, а затем ответил:

«...Пока нет»

«Ну вот и славно», — мысленно хмыкнул Чи Нин, бросив на чёрное дерево многозначительный взгляд. При этом он продолжал держать его обеими руками с благоговейной бережностью, словно и впрямь до глубины души преклонялся перед могущественным покровителем. Однако его мысленный ответ тактичностью не отличался:

«В таком случае одолжите мне её сейчас, а со счетами разберёмся, когда придёт время»

Он вёл себя как классический должник, готовый при первом удобном случае пуститься в бега, а его обещания отдавали откровенной фальшью.

Юань, оправдывая суть злого божества, ничуть не разгневался. Напротив, он снова тихо и с удовольствием рассмеялся, явно забавляясь подобной беспринципностью и стремлением к сиюминутному удовольствию. Окутывая юношу невидимым чародейством, он обронил в его разуме короткое замечание:

«А ты забавный»

«Ради вашего расположения я готов оставаться забавным всю жизнь», — с лёгкой улыбкой отозвался Чи Нин.

Стоило мысленному диалогу завершиться, как лицо юноши овеяло прохладным ветерком. Будто невидимая ладонь ласково коснулась его щеки, оставляя после себя приятную, бодрящую прохладу.

Трудно было сказать, насколько сильно изменился его облик снаружи, но сонливость как рукой сняло. Разум прояснился, а тело наполнилось лёгкостью.

Бережно прижимая к груди кусок чёрного дерева — словно то была священная поминальная табличка его предков, — господин Чи наконец сошёл на землю. Куцай, преданный слуга, стоявший у подножки кареты с чёрным котом на руках, слегка удивился такому раннему выходу. По опыту прошлых лет он знал, что хозяин обычно томится в экипаже куда дольше. Впрочем, парень прекрасно усвоил первое правило хорошего прихвостня: не суй нос туда, куда не просят.

— Господин! — Куцай поспешил навстречу, низко кланяясь. Словно говорливый скворец, он так и сыпал лстивыми приветствиями, наперебой желая хозяину всяческих благ.

На улице ласково светило весеннее солнце. Совсем недавно наступил сезон Цзинчжэ — Пробуждение насекомых, и на дверях окрестных домов уже красовались бумажные вырезки с изображением Белого тигра, призванного защитить хозяев от злых языков.

Чи Нин прикрыл глаза ладонью от яркого света. Солнечные лучи просвечивали его тонкие бледные пальцы насквозь, окрашивая их в нежно-розовый цвет и обнажая едва заметные линии

на коже. На мгновение он замер, внезапно осознав, что на дворе уже действительно весна. Спеша без отдыха из Цзянцзо в столицу, он совершенно потерял счёт дням и ночам.

Куцай, крепко прижимая к себе пушистого чёрного кота, семенил следом за хозяином. Он негромко спросил:

— Господин, а мы в этом году будем приносить жертву Белому тигру?

Чи Нин отродясь не соблюдал этот обычай. Сказать по правде, он вообще не утруждал себя поклонением богам, духам или демонам. Даже Дворцового хранителя — грозного божества, перед которым робели и усердно молились перед заступлением на службу почти все дворцовые евнухи, — Чи Нин не удостоивал ни единого взгляда.

Однако времена изменились.

Куцай же, опасаясь, что его господин упустил этот важный момент, поспешил добавить:

— Старики рассказывают, что Белый тигр ведаёт сплетнями и наговорами. Он — бог раздоров и пересудов.

Приближённые Чи Нина в один голос твердили: его недавняя ссылка в Цзянцзо случилась не только из-за падения евнуха Чжана, но и по вине завистливых негодяев, устроивших заговор за его спиной. Старый Чжан Цзинчжун за долгую жизнь воспитал немало учеников, и троих из них выделял особо, любя как родных сыновей. Однако под горячую руку нового государя попал именно Чи Нин. Разумеется, всю вину за эту опалу нельзя было сваливать исключительно на покойного наставника.

— Хочешь сказать, если я не умащу пасть Белому тигру жертвенной кровью и жиром, кто-то непременно побежит клеветать на меня императору? — Чи Нин остановился и задумчиво подпёр подбородок ладонью.

Куцай закивал с таким жаром, словно от этого зависела его жизнь. Наконец-то хозяин его услышал! Его безграничную преданность теперь точно увидят и небо, и земля.

— В таком случае, тем более не станем поклоняться, — отрезал Чи Нин.

Он изящно подобрал полы халата и не спеша направился к воротам усадьбы, где его уже преданно поджидал старый управляющий Чжайлао. На ходу Чи Нин не забыл послать мысленную мольбу своему тёмному спутнику:

«Господин мой, сделайте милость, пусть завистники изольют на меня как можно больше яда перед лицом императора. И пусть не останавливаются, а стараются усерднее»

В ярких лучах полуденного солнца по поверхности чёрного дерева скользнул загадочный отблеск. Немой знак того, что великий дух слышал его призыв и готов исполнить любое безумное пожелание.

Ошарашенный Куцай замер на месте с глупейшим видом. На его и без того унылом лице, природа которого наградила упрямо склонёнными бровями, отразилось полное замешательство. После того как хозяин так бесцеремонно отмахнулся от его заботы, он сделался мрачнее тучи.

Переулок Цинши

Городская усадьба Чи Нина располагалась на самом юге столицы, в тихом переулке Цинши. Соседей здесь было немного. Это место идеально сочетало в себе прелесть уединённого покоя и близость к шумной столичной жизни. Старинный дом, выстроенный в классическом стиле ландшафтных садов юга, состоял из трёх внутренних двориков. Он не выделялся вычурной роскошью, но привлекал обилием света, простором и скромным изяществом.

Посреди главного двора высилось вековое раскидистое дерево — его ствол едва ли смогли бы обхватить трое взрослых мужчин. Круглый год его пышная крона дарила благодатную тень, наполняя воздух прохладой и покоем. Каждый, кому доводилось гостить у Чи Нина, неизменно влюблялся в эту тихую обитель.

Престарелый управляющий Чжайлао поклонился господину и вежливо поинтересовался:

— Господин желает сначала омыться, отобедать или немного отдохнуть с дороги?

Чи Нин без малейших колебаний выбрал еду. Он принадлежал к числу тех людей, кто превыше всего ценил плотские радости, а именно — усладу вкуса. Наполнение желудка изысканными кушаньями всегда оставалось для него делом первостепенной важности.

В обеденной зале их уже ждал накрытый стол: четыре изысканные холодные закуски и дымящаяся пиала. Хрустящие маринованные овощи прекрасно дополняли наваристую, густую кашу. Повара приготовили её с любимыми лакомствами хозяина — нежными сушёными гребешками и вялеными кальмарами. Что может быть приятнее, чем согреть уставшее с дороги тело тарелкой ароматного морского супа?

Чи Нин положил кусок чёрного дерева перед собой, чтобы тот всегда оставался на виду и под рукой. Сам молодой человек в шутливой манере утверждал, будто не в силах расстаться с драгоценным господином Юанем ни на мгновение.

Пока юноша не спеша наслаждался трапезой, Чжайлао принялся докладывать о текущих

делах. Это время было самым благоприятным для расспросов: сытый Чи Нин всегда пребывал в добром расположении духа и охотно пускался в объяснения.

Происхождение Чи Нина оставляло желать лучшего. Писать и читать он выучился лишь после того, как попал во дворец и поступил в Императорскую школу евнухов, чудом избежав участи остаться неграмотным. Возможно, именно поэтому он презирал строгие конфуцианские правила приличия, предписывающие хранить молчание за столом. У него имелось собственное, весьма вольное толкование древних канонов. Он искренне полагал, будто заповедь мудрецов «не вести речей во время вкушения пищи» означает лишь то, что не стоит открывать рот с набитым ртом. Проводить же весь обед в гробовом молчании казалось ему невыносимой скукой. Еда создана для радости, и ничто не должно омрачать этот священный ритуал.

— Письмо с выражением почтения к императору Куцай мне уже передал, — промолвил Чжайлао. Чжайлао не просто присматривал за домом, но и помогал хозяину вести переписку и решать вопросы с ведомствами. — Как прикажете поступить? Подадим его обычным порядком или попытаемся найти покровителя среди столичных сановников, чтобы ускорить дело?

По заведённому обычаю вернувшийся в столицу евнух должен был пройти те же формальности, что и любой чиновник: отправить во дворец официальное прошение с поклоном и смиренно ожидать высочайшей аудиенции у себя дома.

Управляющий тревожился не напрасно. Он опасался, что недоброжелатели при дворе могут намеренно затерять или утаить послание Чи Нина.

Влиятельных людей во дворце и за его пределами, желавших возвращения Чи Нина, было ровно столько же, сколько и тех, кто мечтал никогда его больше не видеть. К тому же, положив руку на сердце, новый император вовсе не нуждался в нём — молодой евнух никогда не входил в круг доверенных лиц монарха. В столь шаткое, беспокойное время внезапный и поспешный вызов Чи Нина в столицу казался крайне подозрительным шагом, заставившим изрядно понервничать столичную знать.

— Нет нужды никого искать. Да и к кому мне обращаться? — сыто зажмурившись, Чи Нин лениво потянулся. В этот момент он до странного напоминал своего холёного чёрного кота.

То ли так подействовало благословение господина Юаня, то ли сказала природная грация, но любое его небрежное движение выглядело на редкость изящным и преисполненным скрытой угрозы. Он походил на дремлющего тигра — зверь мог казаться совершенно безобидным, но ни один безумец не отважился бы подойти к нему близко.

— Подавай прошение обычным порядком. В конце концов, твой господин Чи — преданный слуга престола и чужд интриг.

Услышав столь бесстыдную ложь из уст хозяина, старый Чжайлао даже бровью не повёл. Лишь сеть глубоких морщин на его лице сделалась чуть заметнее.

Куцай же, не теряя времени, разразился льстивыми восторгами:

— И то правда! Во всей Поднебесной не сыскать человека благороднее вас. Всем известно, что господин денно и нощно радеет о благе государства и никогда не вступает в презренные клики!

Настоящее сборище негодяев, без сомнения.

Чи Нин ласково коснулся пальцами чёрного дерева. Его взгляд лучился напускной нежностью:

«О мой господин, ведомо ли вам, зачем император на самом деле велел мне явиться?»

«Ведомо», — отозвался Юань.

«Поведаете ли вы эту тайну своему верному слуге?»

«Он устраивает для тебя смотрины невесты»

Чи Нин ошеломлённо замер.

«Что?!»

<http://bllate.org/book/20385/2106274>